Ленинский работник
г. Гроздно
20 ФЕВ 1983
Пятница · 5 февр. 1983 · Шестая страница · Грозненский рабочий · 1983 г.

ВЫХОДНОГО ДНЯ

НОВОСТИ В ЛИЦАХ И СОБЫТИЯХ

ТЕАТР. ВРЕМЯ СПРОСИТЬ СЕБЯ...

В ТЕАТРЕ им. М. Ю. Лермонтова его коллегия провела премьера. На суд зрителя представлена инсценировка «А вчера оно проснулось...» написанная по рассказам В. Шукшина. Постановка неординарная, спорная, интересная.

Предваря, однако, разговор о спектакле, хотелось бы в этих заметках коснуться ряда существенных сторон жизни театра в целом. Прошло около полутора лет с тех пор, как его принял новый главный режиссер И. Гурвич, сменивший предшественника, не справившегося со своими обязанностями. Всего лишь месяцев в театре — срок вполне достаточный, чтобы выразить свое кредо, утвердить себя. Будем откровенны: положение несколько улучшилось, оздоровился микроклимат в творческом коллективе.

Вместе с тем обращает на себя внимание одно важное обстоятельство. За эти полгода года не вышло на одного спектакля, о котором заинтересованно, в полный голос заговорил бы город, по-прежнему половина, а нередко и три четверти зала пустует. Уже на третьем-пятом спектакле после премьеры. Программные постановки «Последнее» и «Шторм» несут на себе налет поверхностности, ординарного режиссерского решения; остальные просто слабы. У театра нет постоянного контакта с местной темой, нет главного направления. За все это, вероятно, есть основания спросить с главного режиссера, ибо его волей и волею, его творческим потенциалом интересен любой театр.

Но давайте рассмотрим нашу театральную проблему в иной точки зрения. Театр — это живой организм со своими внутренними процессами и их внешними эмоциональными проявлениями. Суть его сложна и разнообразна: оно вначале черпает вдохновение для на один с настороженно притихшим в зале Судьей-зрителем, которого надо ошеломить откровением, внушить некую истинную истину и убедить в собственной правоте. Это сложнейший процесс — убедить в чем-то судью, поскольку у него, многоуважаемые, давным-давно есть свой, житейская мудрость зрения на все проблемы собственных. И выход у актеров одна: — каждый на-на нулю на ринг, убедить, убеждать методом самоосмеяния, методом напыленного эмоционального изучения красты простых душ, любо любовь к Добру с такой силой, чтобы выбрать в зале сопричастных красоты, либо любовь.

Прежде чем поделиться с читателями мнением о состоявшейся в театре премьере, думается, надо познакомить их с условиями, в которых зрела и формировалась эта премьера и предыдущие спектакли театра.

Актер в своем сутм — это тот же музыкант. Как и музыканту, ему необходим ежедневный тренинг тела и души на сценической площадке. Сегодня он — Наполеон, завтра — Квазимодо, в послезавтра, нашедши нос на туфлях и пришлепнув бородавку, он лицедействует в образе Бабы-Яги. Согласитесь, от мастерства и фантазии Наполеона до зеркалостности суть стрешлишь в мозг. Фантазия нужного радиуса, а судья в зале недоверчив, его гумором и бутафорским страстным не прошмыгнуть, ему подавай обязательно подлинное, на крови замешанное переполнение и Мысль с большой буквы.

Но где и как добыть это «подлинное» актеру, если он отнюдь в прокрустово ложе графики театрально-концертного зала? В месяц сему отведены две недели существования на сцене (увы, очередность), остальные дни актер обязан репетировать и выезжать на периферию, в районы. К сожалению, необходимейший и полезный этот процесс — выезд со спектаклями на периферию, сцены которых — столь же бутафорен и нестойкие время для любой из трех театральных групп, как же у сценической Баба-Яги, поскольку что-то мешает: то ездки, то вдруг рассыпалась коробка скоростей у автобуса то пошел дождь и прибыл, наконец, в район работать на сценической площадке сельского клуба, актеры видят пустой зал.

Две недели ожидания, мелькания нетерпеливой горькой мысли, когда актер, отслуженный от зрителя, вынужденно всем нутром ощущает, как сыпается, сжимается в нем дар лицедейства наподобие потерянной монеты, теряет профессиональный навык!

Выпущенный, наконец, на четырехдневный день на сцену, нормальную гнему, он отчаянно бьется о стеклянную стену, выросшую за время его отсутствия в зрителем. Но пробивать эту стену надежнее, не щадя себя! Но дня и есть.

Это — одна из причин того, что многие спектакли театра им. М. Ю. Лермонтова за последние несколько лет носят на себе явно ощутимый налет спешки, недоразвитости, когда актерам и режиссеру, как воздух, как глоток воды в жажду, необходимо еще хотя бы несколько дней, хотя бы неделя, ушедшие на обживание сцены, полное вживания в своей сценической площадке не более десяти пьес в год. Наши репертуарные театры (при при одной сцене) поставлены перед необходимостью (план) выпускать шестнадцать! Не до жиру, как говорится, быть бы живу.

Самое опасное в этой ситуации даже не низкий уровень отдельного спектакля, а то, что год дня в день вынужденный отрекаться от высокого профессионализма, от подлинного искусства, перед лицом зрителя некий недоразвитый суррогат эмоций, актер теряет конечно, конечно, привыкает к миру. У него теряется чувство самосохранения перед пропастью, именуемой «халтура». И в конце концов его перестает страшить падение в эту пропасть.

Давно назрела необходимость вплотную озаботиться понятием драматической ситуации, в которую попали театральные труппы республики. Невозможность решать свой творческий потенциал, медленные и неизбежное сползание к уровню самодеятельности, потеря профессионализма достигли крайней точки.

Я был в театре им. М. Ю. Лермонтова после общественного просмотра спектакля «А вчера оно проснулось...». Чудовищно многое не правильно, (прежде, в данном, конкретном спектакле, а не во всей творческой позиции театра). И это вполне надежду: театральный организм еще здоров, способен к самосовершенствованию.

Зритель пришел на спектакль, чтобы напиться вечным и нетленным — подлинным мастерством. Он сел в оплаченное кресло и стал навес, и начались пересуды...

Театр, режиссер Л. Куравлев обратились к одному из сложнейших авторов России — Василию Шукшину. Творчество его отличается преобладанием резких, чистых тонов, оно неожиданно, по-иному парадоксально, в отличие от всего нутром ощущает, как сказывается, ежится в нем дар лицедейства наподобие потерянной монеты, теряет профессиональный навык!

Выпущенный, наконец, на четырехдневный день на сцену, нормальную гнему, он отчаянно бьется о стеклянную стену, выросшую за время его отсутствия в зрителем. Но пробивать эту стену надежнее, не щадя себя! Но дня и есть.

Это — одна из причин того, что многие спектакли театра им. М. Ю. Лермонтова за последние несколько лет носят на себе явно ощутимый налет спешки, недоразвитости, когда актерам и

Режиссер Куравлев не боится спектакль многоцветным цветовая палитра оформления сцены: черный цвет стены, белые простыни. Оформление не помешает на зрителя внимание, не дробит его. О первых же минут оно сосредоточивается на прямолинейных, извилистых движениях души спектакля вытравливается, обо речь идет о самом важном в нашей жизни — о душе человеческой. И самом деле, не забывает ли мы о ней, заклестнутых массой тщущих дел, не теряем ли сами себя, свой образ гомо сапиенса, — с тревогой и болью спрашивает Шукшин.

Черепой проходит перед нами люди, накануне дальние обожженные, жующие дуги вином, обожженные стоятством, хвастаем, неправдивостью некоторых слова ближних. Мучается непонимаемым, дикостью происходящего Онтарио (В. Белогрудов). Пришел к любимой при галстуке, с букетом, спешит, ладыкать от предстоящего объяснения и, увидев другого на своем привычном месте, Холенего. В халате. Пустого и сколького, как порожнем, легально и вельотно сибаритствующего фити.

Белотелая поистине жгучая в роли нашного ротмонеоцы: богатство мнимым, выразительная пластика актера позволяет ему передать сложнейшую гамму чувств, поистине шукшинскую трагикомическую ситуацию. Он сгущит стаканчик виски, сочинает, но за всем этим — подуманный, отчаянный вопль протеста: да как же так мой Бог! Где душа у вас! Люди вы мои...

Все глубже и бесощаднее в самую суть проблемы ведет спектакль методом сценического, скрупулезного исследования нашей сути: где у нас душа, чем питаем мы ее в бесконечном бытовом марафоне по жизни. И вот один из героев с листвицы — сиянье, дисквалифицированный начальник [illegible] (В. Пилипко) — которому мы только знали что за ним по утрам звенит от черная «Волга».

Он еще рокочет по привычке, бунтует в матерщинном своем методичном, эдакий Зевс в виде, жалкий и нелепый отчего, что боится его бессильно бьется же в лоненой кубатуре «респектабельности» кабинета, с в сопарнинке белорусов [illegible] дом. [illegible] вдруг вспомнил [illegible] ше, которая объяснила [illegible] и [illegible] Пилипенко, и [illegible] в блестящую стихию [illegible] Профессор (Е. Ненашев) [illegible] готовый заплакать [illegible] самому чаще, чтобы [illegible] держать свою молодую [illegible] беседку, — [illegible] ...ходящие в самое сердце [illegible] ...ситуации [illegible] ...ся вроде бы [illegible] ...ся в [illegible] ...ку, в [illegible] ...ному доброму. Дух по [illegible] Спектакль Л. Эйдлина, у которого всегда [illegible] ...ное неизрасимым, но [illegible] ...ный сплавом — [illegible] ...ным медицинским [illegible] ...ия тепло, участливо [illegible]

[illegible] ...ся, сопровождая [illegible] ...ся отличная сыгранность [illegible] ...ных актеров [illegible] ...ся [illegible] ...ся [illegible] ...ся